

Категория андроцентризма в лингвистике

Термин «андроцентризм» вошел в практику лингвистических исследований сравнительно недавно. В его структуре и семантике прослеживается связь с медицинскими терминами андрогенез, андрогиния, андрология, в которых первая часть андро- восходит к греческому слову *andros*, что в переводе означает «мужчина». Лексикографическая практика не всегда успевает отражать терминологические инновации в языке в полном объеме. Словарь лингвистических терминов О.С.Ахмановой фиксирует лишь слово андроним – «личное имя (фамилия) женщины, произведенное от имени (фамилии) мужа» [2:47].

Параллельно термину «андроцентризм» используются его синонимы: сексизм, маскулинность, гендерная асимметрия, которые вряд ли можно назвать полными (абсолютными). Лингвистическая гендерология предпочитает дистанцироваться от термина сексизм, пришедшего из дискурса феминистской лингвистики, так как он, якобы «имплицитно намерение, которое у языка отсутствует» [10:6].

Если мы, пытаясь объяснить содержание слова «андроцентризм», скажем, что оно обозначает феномен, «отражающий в языках мужскую перспективу» [12:21], то его значение несколько не прояснится, так как потребуются экспликация словосочетания «мужская перспектива». Термин «гендерная асимметрия» более удачен и понятен хотя бы потому, что истории лингвистического дискурса хорошо известен термин «родовая асимметрия», несмотря на то, что это не одно и то же.

Явление родовой асимметрии – количественное доминирование мужского рода над женским в рамках антропонимов – сыграло немаловажную роль в появлении и формировании феминистской лингвистики. Но термин родовая асимметрия, отражающий сугубо лингвистический феномен, был заменен на термин сексизм, коррелирующий с понятием полового неравенства, и первоначально все усилия зарождающихся гендерных исследований на Западе были ориентированы исключительно на поиск андроцентричных структур языка. Общий социальный и политический контекст того времени способствовал бурному развитию феминистского движения, которое использовало любые данные, в том числе и языковые, о неравном положении женщин в социуме, чтобы на основе этих данных добиваться собственных прав и свобод.

Родовая асимметрия наблюдается во всех родовых языках и проявляется в двух аспектах: в генерализирующей функции антропонимов мужского рода и в родовых оппозициях антропонимов. В них чаще всего отсутствуют антропонимы женского рода.

Ш. Балли указывал на консервативность французского языка в образовании слов женского рода в области номинации человека по профессии [3:336]. Однако, она свойственна всем родовым языкам. Причины отсутствия соотносительных слов женского рода в родовых оппозициях объясняются не только разделением труда (кузнецами, шахтерами, сталеварами были мужчины), но и словообразовательными потенциями языка. Бесспорно, работу шахтеров, сталеваров, землепашцев выполняли и женщины, но в периоды экстраординарных условий существования обществ.

Языки, у которых основным маркером рода служит артикль, относительно легко заполняют лакуны родовых оппозиций: *le garde-malade – la garde-malade, le secrétaire – la secrétaire*. В русском языке не все так однозначно. Отсутствие устойчивых продуктивных словообразовательных моделей создают здесь почти непреодолимые препятствия: окулист – о, хирург – о, эколог – о, скотовод – о. Попутно отметим, что даже продуктивные модели могут давать сбои при образовании номинаций женского рода. Ср.: тракторист – трактористка, артист – артистка. А в слове «окулистка» есть что-то противоестественное. Проблема здесь не только языкового, но и психологического характера. Нужно время, чтобы носители языка восприняли форму женского рода как нормативную, стали активно использовать ее в медицинском и бытовом дискурсе.

Можно, конечно, для заполнения родовых лакун прибегать к лексическим ресурсам языка: женщина-окулист, женщина-хирург и т.д., что лишний раз свидетельствует о том, что морфологические средства образования родовых оппозиций ограничены.

Генерализирующая функция антропонимов мужского рода проявляется в их способности именовать лиц не только мужского, но и женского пола. Это свойство антропонимов мужского рода является системным для всех родовых языков. Оно было предопределено их историческим развитием при переходе от именной классификации одушевленных / неодушевленных к родовой. Первоначально слова мужского рода обозначали лиц обоего пола. Мужской род, относящийся к категории лиц, обозначал не пол. Он выражал общее понятие о человеке. Этого мнения придерживаются В.В. Виноградов [4:59]. К.А. Аксаков [1:52], А.В. Миртов [13:150], М.В. Шульга [14:27]. Из общего рода как наследника класса имен, обозначавших лиц, позже начинает вычле-

няться родовой маркер для обозначения лиц только женского пола. Свидетельством этого является бинарная оппозиция общих (одушевленный) / средний (неодушевленный) род в древнехеттском, древнегреческом, древнеиндийском, латинском и других индоевропейских языках, когда согласуемые адъективные окончания не различались по мужскому / женскому роду. Например, форма *fortis* в латыни имела синкретичное значение «сильный, сильная» и была противопоставлена форме среднего рода *forte* [5:280].

До сих пор в теории грамматического рода встречаются суждения, согласно которым грамматический род антропонимов жестко коррелирует с экстралингвистическим понятием пол. Они верны лишь по отношению к немногочисленным антропонимам, формирующим гетерогенную оппозицию мать – отец, брат – сестра, и к антропонимам женского рода.

Антропонимы мужского рода в оппозициях, подобных рабочий – рабочая, учитель – учительница всегда имеют две семы «пол, действующее лицо». Сема «действующее лицо» актуализируется во множественном числе и в значении обобщения: каждый рабочий (рабочий и рабочая). Деривационные существительные женского рода получают значение лица от производящей основы. Их собственное значение лица не может указывать на значение лица безотносительно к полу. Оно остается в производящей основе, а в производной есть только указание на лицо женского пола. Таковы собственно лингвистические наблюдения над генезисом и современным состоянием категории рода и родовой асимметрии.

Маркированный характер антропонимов женского рода можно интерпретировать по-разному. Можно, например, описывать его как эксклюзивный маркер лиц женского пола, запрещенный к использованию при наименовании лиц мужского пола. В этом случае женское общество предстает как некая закрытая привилегированная группа лиц, обладающая собственным, неповторимым языковым символом в отличие от мужского сообщества. Если этого недостаточно, то возможна другая интерпретанта – женское общество обладает большим доступом, по сравнению с мужским, к ресурсам родовых маркеров. Оно может в равной степени прибегать к мужскому и эксклюзивному женскому роду при наименовании лиц женского пола, не рискуя при этом потерять свое реноме, так как антропонимы мужского рода, именующие лиц женского пола, не имеют пейоративных оттенков.

Совсем иначе обстоят дела у мужского сообщества. В его распоряжении есть только один языковой символ, который отнюдь нельзя назвать эксклюзивным, а попытки использовать женский род в номи-

нации лиц мужского пола приводят к отрицательным результатам – стилистически нейтральное слово приобретает негативную окраску, тем самым, как бы говоря покусившемуся на него: «Не по Сеньке шапка!». И, тем не менее, феминистское движение выбрало то, что оно выбрало, - объявило категорию рода андроцентричной языковой структурой, то есть, структурой в которой отражается попрание социальных прав женщин.

В лингвистической гендерологии наблюдаются колебания по этому вопросу. Первоначально А.В. Кирилина как бы дистанцируется от проблемы андроцентричности категории рода на основании того, что «вопросы соотношения пола и грамматического рода находятся в фокусе феминистской лингвистики», основные положения которой, в частности, «приписывающие именам существительным мужского рода», обозначающим профессиональную принадлежность лица, даже при их неспецифицированном употреблении абсолютной маскулинности», она не разделяет [10:6]. Более того, она модифицирует некоторые положения гендерной теории и вводит два новых понятия: степень андроцентричности языка, так как ее выраженность и интенсивность «может варьироваться от культуры к культуре и, следовательно, от языка к языку» [9:70] и супрагендерный уровень языка, поскольку не все структуры языка гендерно маркированы.

Лингвистическая гендерология никогда не настаивала на перманентном присутствии категории «гендер» в языке и речи» [8:10]. Однако несколько позже А.В. Кирилина признает, что андроцентризм характерен для грамматической категории рода [7:22]. Возможно, это решение было принято под влиянием гендерных исследований в психолингвистике. Известно, что соотношение между грамматической категорией рода и полом воспринимается лицами женского пола неоднозначно. Например, в немецкой лингвокультуре это восприятие более ярко выражено (лица женского пола чаще отрицательно реагируют на несоответствие рода и пола), чем в русской лингвокультуре. Скорее всего, проблема андроцентричности грамматической категории рода заключена не столько в ней самой, сколько в когнитивном пространстве индивида, в его языковой культуре, в интерпретативном своеобразии того, что заключено в языковой структуре.

Приходится только сожалеть, что тенденции, противоположные андроцентризму, почти не принимались во внимание не только в феминистской лингвистике, но и в современной лингвистической гендерологии. Какие языковые структуры могут квалифицироваться как аксиологически нейтральные? Почему поговорку «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» обязательно следует причислять к лику ан-

дроцентричных? Только на том основании, что слово умный отнесено к мужскому роду? Но вряд ли следует всерьез утверждать, что здесь грамматический род жестко коррелирует с лицом только мужского пола. Несомненно, такие поговорки как «Бабина дорога – от печи до порога», «Баба с возу – кобыле легче» - андроцентричны, так как в них «слышится мужской голос», предвзятое отношение мужчины к роли женщины в обществе. Андроцентрична ли поговорка «Свекровь кошку бьет, а невестке урок дает»? Скорее, нет, чем да. В ней нашли отражение непростые взаимоотношения между свекровью (но не свекром) и невесткой. А.В.Кирилина права, говоря, что наиболее актуальным шагом в адекватном освещении гендерных стереотипов следует считать «установление критериев андроцентризма» [7:22].

Есть ли в языках явление, противоположное андроцентризму? Каким термином можно определить это явление, и в каких областях языковой системы они функционируют? По аналогии с термином андроцентризм следовало бы ввести в гендерный дискурс геницентризм для определения аксиологически маркированных языковых структур, выражающих превосходство женщин над мужчинами. Ведь говорим же мы «ругаться как извозчик», «пить как сапожник», «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», «Ваньку валять», «бабник», «метр с кепкой», «жил-был поп

(а не попадьа) – толоконный лоб», «самовлюбленный нарцисс», «мужик задним умом крепок», «зять любит взять», «муж да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе», «мужик напьется, с баринном дерется, проспится – свиньи боится», «едет жена родня: растворяй ворота; едет мужня родня – запирай ворота».

В словарной статье «мужчина» девять производных (мужичишка, мужеченка, мужичество, мужиковатый, мужичить, мужлан, мужланюга, мужло, мужланиться) наделены коннотациями отрицательного свойства, а словарная статья «женщина» содержит только три производных с отрицательной коннотацией (женота, женище, женка) [6:483-484]. В тех же словарных статьях отмечены восемь производных от «жена», характеризующих отрицательные черты мужчин: *женобесие, женонеистовый, женишонкин, женонравный, женообразный, женоподобный, женопокорный, женоугодливый* и только два производных от «муж», характеризующих отрицательные черты женщин: *мужичка, мужлатка (мужланка)*. Определения мужелюбивая – «любящая мужа» и мужеугодливая – «жена, умеющая угодить мужу» в отличие от женолюбие и женоугодливый – «покорливый, любивый, бабий угодник» не содержат пейоративных нюансов.

Уравновешивает ли геницентризм андроцентризм? И если да, то, в каких областях языка? Каково соотношение между супрагендерным уровнем и андроцентризмом, с одной стороны, и геницентризмом, с другой? И, наконец, применимы ли термины андроцентризм и геницентризм в исследованиях речевого поведения мужчин и женщин? Выводы феминистской лингвистики о мужской доминантности в коммуникативной интеракции (перебывание, управление тематикой диалога, употребление директивных речевых актов и т.д.) нуждаются в серьезной верификации на предмет выявления типов коммуникативных ситуаций, в которых проявляются структуры речевой дискриминации. Нам больше импонирует мнение, согласно которому гендер должен рассматриваться не только с позиции доминирования какого-либо пола в языке [16:9].

Приоритетная задача лингвистической гендерологии – определить, в чем заключается своеобразие языковых стереотипов, характеризующих личность мужского и женского пола, и попытаться понять, как и в каком прагматическом и коммуникативном контексте конструируется мужской и женский гендер, и какое влияние оказывает на этот процесс языковой гендерный стереотип наряду с другими факторами, такими, как возраст, психодинамический тип, интеллектуальный уровень и языковая компетенция, социальный статус коммуникантов.

Библиографический список

1. *Аксаков, К.А.* Опыт русской грамматики [Текст] / К.А. Аксаков. – М.: Унив. тип., 1880. – Т.3, ч.II. – 667 с.
2. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 606 с.
3. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. *Виноградов, В.В.* Современный русский язык [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – Ч.II. – 1972. – 640 с.
5. *Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс.* Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ языка и протокультуры [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Тбилиси: Тбил. ун-тет, 1984. – 1328 с.
6. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль – М.: ОЛМА Медиагрупп, 2007. – Т.1.
7. *Кирилина, А.В.* Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении

нии и теории коммуникации. – М.: Изд-во Московского гос. лингв. ун-та, 2002. – С. 20-27.

8. *Кирилина, А.В.* Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – 2002. – С. 5-13.

9. *Кирилина, А.В.* Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

10. *Кирилина, А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Кирилина. – М.: МГЛУ, 2000. – 40 с.

11. *Кирилина, А.В.* О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании [Текст] / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – №3. – С.18-27.

12. *Кирилина, А.В.* Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М.: Изд-во Московского гос. лингв. ун-та, 2002. – С.20-27.

13. *Миртов, А.В.* Категория грамматического рода в русском языке [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Миртов. – М., 1994. – 946 с.

14. *Шульга, М.В.* Славянский грамматический род: привативная оппозиция [Текст] / М.В. Шульга // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 26-39.